

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН, Э. А. ГРАНТОВСКИЙ, *ОТ СКИФИИ ДО ИНДИИ. Загадки истории древних ариев*, М., «Мысль», 1974, 124 стр. с илл.

Из достаточно широкого круга «загадок истории древних ариев», о которых упоминает подзаголовок рецензируемой книги, Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский сосредоточили основное внимание на вопросе о локализации прародины индоиранцев. Со времени установления факта близкого родства индоиранских языков и народов—их носителей, проблема эта остается остро дискуссионной. Для решения ее привлекаются самые различные источники, в первую очередь лингвистические и археологические, причем интерпретация их различными авторами являет весьма различную степень убедительности¹. Авторы книги подошли к этой же проблеме с нетрадиционной стороны и, используя лингвистические и археологические данные в качестве иллюстрации отдельных положений, основное внимание уделили источникам совершенно иного характера. Они предприняли анализ определенного комплекса географических представлений, нашедшего отражение в мифологии индоиранских народов, с целью показать, что зафиксированные в этих представлениях данные о климатических и ландшафтных особенностях могли сложиться лишь в определенном регионе ойкумены, весьма далеком от зоны обитания большинства индоиранских народов в историческое время, и что общность этих мотивов для мифологии различных индийских и иранских народов позволяет относить время их возникновения к периоду совместного обитания ариев на их общей прародине.

Исходным пунктом в предпринятом авторами анализе стало рассмотрение комплекса характерных для древнеиндийской мифологии и эпической традиции мотивов, который может быть условно назван полярным. К нему относятся отраженные в индийских источниках представления об обители богов, где сутки длятся год, что соответствует солнечному циклу в полярных областях, о неподвижной Полярной Звезде, о явлениях, сходных, судя по описанию, с северным сиянием (стр. 5—6, 9—11). Наличие этих мотивов в древнеиндийской мифологии наводит на мысль, что носителям этой мифологии или их предкам были откуда-то известны явления, которые можно наблюдать лишь в приполярных областях. «Полярный цикл» индийской мифологии давно привлекал внимание исследователей. Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский приводят гипотезу Б. Тилака об арктической родине индоариев² и справедливо отмечают неправомотность целого ряда его построений с точки зрения современной науки (стр. 7—9). В то же время бесспорным остается факт, что «в древнеиндийских источниках остаются сведения, которые трудно оценить иначе как отражение каких-то представлений об арктических областях» (стр. 9). Крайне

¹ Наиболее полную в отечественной литературе сводку мнений по этому вопросу см. Э. А. Грантовский, Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970, стр. 7—66.

² B. T i l a k, The Arctic Home in the Vedas, Bombay, 1903.

существенно наблюдение авторов, что, согласно анализируемой индийской традиции, область, характеризующаяся описанными «полярными» явлениями, связана с горами, а именно с легендарной горной страной Меру. Северный склон Меру примыкает к побережью Молочного океана, где располагается страна блаженных (стр. 32—40).

Этот комплекс представлений сам по себе достаточно интересен, поскольку проливает свет на содержание и историю формирования мифологических представлений индоариев. Но тем более возрастает его значение при сопоставлении с верованиями различных иранских народов, в которых авторы убедительно прослеживают существование явно параллельных индийскому циклу мотивов. Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский анализируют две такие параллельные индийской традиции: иранскую³ и скифскую. Иранская традиция почерпнута из зороастрийской литературы и этических циклов, но отражает весьма древний комплекс представлений. Эта традиция повествует о возвышающихся до неба горах Хара Березайти, на которых обитают боги и которые в виде протянувшейся с востока на запад цепи расположены у северного предела земли. С ней связаны представления о великом море и об обителях блаженных (стр. 46—55). Близость и единые корни «цикла Меру» и «цикла Хара» бесспорны, но еще нагляднее они проявляются при сопоставлении с традицией о землях, расположенных к северу от Скифии. Эта традиция зафиксирована в античной литературе, касающейся скифской тематики, и чаще рассматривается в контексте географического кругозора античного мира⁴. При этом, как правило, недооцениваются местные истоки этой традиции, восходящие к представлениям — порой реальным, а порой мифическим — свойственным коренным обитателям Северного Причерноморья. Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский справедливо подчеркивают: «Сведения античных источников о далеком Севере за Скифией в своей основе восходят к скифской традиции — традиции, которая в свою очередь принадлежит к общеприерийскому культурному кругу» (стр. 57). Результаты анализа этих сведений, предпринятого в рецензируемой книге, наглядно демонстрируют единые корни «греко-скифской» (а точнее, собственно скифской, но сохраненной античными авторами) традиции и приведенного выше индийского и иранского комплекса представлений. Скифская традиция повествует о Рипейских горах, расположенных к северу от Скифии и протянувшихся с востока на запад; о характерном для областей за Скифией годовом солнечном цикле, состоящем из дня и ночи, длящихся по полгода; о расположенном за Рипейскими горами море и об обитающем у его берегов блаженном народе — гипербореях⁵ (стр. 24 — 30). С этим скифским мифологическим циклом перекликается и другой мотив скифской мифологии, хотя он и не принадлежит к географическому комплексу. Как уже указывалось выше, северные горы, согласно индийской и иранской традиции, есть обитель богов, т. е. служат посредствующим звеном, соединяющим мир богов и мир людей, возвышаясь от земли до неба. Представление о трехчленной организованной по вертикали вселенной в скифской мифологии нашло отражение в повествовании о трех сыновьях мифического перво-человека Таргитая, носящих имена Арпоксай, Липоксай и Колаксай. В. И. Абаев уже давно предложил интерпретировать первое имя как *Arpo-ksais*—*Arpa-xšaya*, где

³ Когда приходится параллельно рассматривать материалы, связанные с Ираном и Скифией, неизбежно сталкиваешься с терминологической трудностью при употреблении слова «иранский». Использование его лишь применительно собственно к Ирану неверно, поскольку этнолингвистически скифы также принадлежат к иранскому миру. Но ниже термин «иранский» сугубо условно употребляется в значении «относящийся к собственно Ирану».

⁴ См., например, Л. А. Е л ь н и ц к и й, Знания древних о северных странах, М., 1961.

⁵ Прямую параллель индоиранской традиции о блаженных, обитающих у северных гор, в скифском мифологическом комплексе представляют не только рассказы о гипербореях, но и повествование об аргипеях, которые не имеют боевого оружия, улаживают распри соседей и которых другие народы почитают священными (H e r o d., IV. 23), хотя, согласно Геродоту, аргипеи живут по эту сторону северных гор.

первая часть связана с древним названием Днепра Dan-Arg и с сохранившимся в осетинском языке корнем arg — «глубокий»; третье имя он же восстанавливал как Хорaksais—Hvar-xšaya⁶. Два эти персонажа скифской легенды олицетворяли, таким образом, глубинный, нижний и верхний, небесный мир. Далее В. И. Абаев указывал: «Остается третий брат Lipoksais, который тоже был, возможно, каким-нибудь мифологическим образом. К сожалению, здесь нельзя даже строить никаких предположений: элемент Lipo-решительно не поддается объяснению»⁷. Предложенное В. И. Абаевым толкование было в 1960 г. дополнено одним из авторов рецензируемой книги, который, отметив, что «для ряда скифских диалектов характерно заведительствованное целым рядом примеров появление l из r именно перед i», указал, что «li в Lipa может, таким образом, закономерно восходить к ki:tiṛa»⁸. Э. А. Грантовский сопоставил также реконструированную форму имени мифического персонажа с названием Рипейских гор, в котором предполагал наличие того же корня, подтверждая это предположение наличием близкого слова в значении «гора» в хантском языке, что особенно важно в свете установленного взаимодействия восточноиранских и угорских языков⁹. Предложенная Э. А. Грантовским фонетическая реконструкция имени Липоксая была принята В. И. Абаевым¹⁰, сопоставившем первый его элемент в такой реконструированной форме с ведийским термином ṛiṛ-, ṛiṛ-, который он переводит как «земля»¹¹. В рецензируемой книге (стр. 64—65) предлагается иное толкование этого термина (во всяком случае в данном контексте): «вершина земли», что в свете анализа названия Рипейских гор и сопоставления параллельных индийской, иранской и скифской традиций представляется весьма убедительным. Рассмотрение же в совокупности традиции о северных горах, обители богов, и скифской легенды о трех сыновьях Таргитая заставляет признать вполне справедливым вывод Э. А. Грантовского, что «в основе системы этих имен (сыновей Таргитая.— Д. Р.) лежит... представление о трех космических плоскостях: верхней — небесной, символизировавшейся солнцем, средней — надземной и нижней — водной или подземной»¹², причем среднее звено играет роль посредствующего элемента между двумя крайними¹³, откуда представление о горах как о зоне обитания богов и о Липоксая как родоначальнике скифского жречества¹⁴.

При параллельном рассмотрении охарактеризованных индийской, иранской и скифской традиций их единое происхождение не вызывает сомнения, что заставляет отнести время формирования этого комплекса представлений к периоду существования индоиранского единства, совместного обитания всех народов — носителей этой традиции. В таком случае именно содержание этой традиции, восстанавливаемое при сопоставлении всех трех ее версий, должно помочь в разрешении вопроса о локализации этого совместного обитания. Традиция эта в основном, как мы видели, позволяет сделать два основных вывода: она формировалась в регионе, который если и не входит в зону распространения полярных явлений, то доступен для проникновения сведений об этих явлениях; традиция формировалась в регионе, где по каким-то причинам господствовало представление о расположенных вдоль всего Севера земли горах. При этом и, иранская, и скифская традиции указывают на эти северные горы как на область, откуда берут начало крупнейшие земные реки. Поэтому, по мнению авторов книги, «формирование „северного цикла“ древнеиранской мифологии должно

⁶ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949, стр. 242 сл.

⁷ Там же, стр. 243.

⁸ Э. А. Грантовский, Индо-иранские касты у скифов, «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960, стр. 7—8.

⁹ Там же, стр. 8—9.

¹⁰ В. И. Абаев, Скифо-европейские изоглоссы, М., 1965, стр. 12.

¹¹ В. И. Абаев, К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов, в сб. «Древний Восток и античный мир», М., 1972, стр. 36.

¹² Грантовский, Индо-иранские касты у скифов, стр. 9.

¹³ О среднем элементе в тернарных структурах как о посреднике между крайними элементами, см. Вяч. Вс. Иванов, Бинарные структуры в семиотических системах, в сб. «Системные исследования. Ежегодник 1972», М., 1972, стр. 214.

¹⁴ Грантовский, Индо-иранские касты у скифов, стр. 6—7.

было проходить там, где на обширных территориях реки текут с севера на юг, а рельеф местности соответственно повышается с юга на север» (стр. 117). Этим географическим условиям не отвечает ни одна гипотетическая прародина ариев, обосновываемая лингвистическими, историческими или археологическими аргументами, за исключением Юго-Восточной Европы от Днепра до Урала. Эта особенность названного региона и способствовала, по мнению авторов, формированию у его обитателей представления о том, что вдоль всего северного рубежа земли тянутся высокие, достигающие неба горы, откуда эти реки и берут начало. С другой стороны, письменные (Herod., IV, 24) и археологические¹⁵ данные свидетельствуют, что уже в начале исторического времени, в середине I тыс. до н. э., обитатели степей Северного Причерноморья поддерживали регулярные и, видимо, имеющие достаточно давнюю традицию контакты со своими северными соседями, в том числе довольно дальними, что предполагает опосредованное знакомство обитателей этого региона с природными явлениями полярной зоны. Таким образом, содержание общеарийского мифологического цикла свидетельствует в пользу локализации прародины ариев в Юго-Восточной Европе. В подтверждение своего вывода Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский приводят данные о близости ряда верований и обрядов, свойственных древним ариям, к культовой практике и представлениям финно-угорских народов северо-восточных районов Европы и Северного Зауралья. Разумеется, в этом плане наиболее показательны не элементы шаманизма в религии древних ариев, которые не обязательно свидетельствуют о контактах двух названных групп народов, поскольку элементы шаманизма прослеживаются в различных религиях на весьма широком ареале, а конкретные сходжения в верованиях (стр. 75—83), хотя исследование элементов шаманизма в религии древних ариев, бесспорно, представляет интерес¹⁶. Показательно, что при анализе религиозных сходжений между арийским и финно-угорским миром авторы приходят к тем же выводам о времени и зоне их контактов, что и лингвисты при анализе языкового материала¹⁷. Такое совпадение выводов, полученных различными путями, придает им наибольшую убедительность.

Нетрадиционный подход к многократно обсуждавшейся проблеме, оригинальный характер избранного для ее решения материала и убедительность аргументации характеризуют рецензируемую книгу как ценное научное исследование. При этом значение ее имеет как бы две стороны: она проливает свет на центральную для авторов проблему локализации арийской прародины, но не менее важны достигнутые результаты и для изучения истории индоиранской мифологии.

Представляется целесообразным специально остановиться на значении этой книги для скифологии. При сравнительном анализе различных мифологических традиций индоиранского мира наряду с индийской и иранской авторы на равных правах привлекают скифскую мифологию. В этом плане книга Г. М. Бонгард-Левина и Э. А. Грантовского — одна из немногих в отечественной, да, пожалуй, и в мировой литературе, где скифская мифология является полноправным объектом изучения. Само словосочетание «скифская мифология» звучит непривычно и практически не употребляется в нашей научной литературе. Это не означает, разумеется, что мы отрицаем ее существование в древности. Теоретически мы признаем, что она существовала, но ввиду отсутствия у скифов собственной письменности ее принято считать безвозвратно утраченной. Следствием такого взгляда является практически полный отказ от интерпретации такого колоссального богатства, как скифские ритуальные предметы, культовые атри-

¹⁵ Б. Н. Г р а к о в, Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи? «Археологія», т. I, Київ, 1947, стр. 23—38.

¹⁶ При рассмотрении вопроса о культе опьяняющего напитка сомы-хаумы у древних ариев авторы наибольшее внимание уделяют гипотезе Г. Уоссона, согласно которой растение сома — это мухомор. Но совершенно справедливым представляется их тезис, что в ходе расселения индоиранцев по обширным территориям с различными географическими условиями для этой цели использовались «различные „плоды земли“, дававшие необходимый культовый эффект» (стр. 89). Этим, видимо, и объясняются разногласия в толковании сомы-хаумы современной наукой.

¹⁷ См., например, А б а е в, К вопросу о прародине..., стр. 27—29.

буты, памятники религиозного искусства, количество которых ежегодно увеличивается в ходе археологического изучения скифских памятников.

Между тем скифская мифология сохранилась, разумеется фрагментарно, в дошедших до наших дней эпических циклах родственных скифам народов¹⁸, в сюжетных композициях на скифских древностях¹⁹, в отрывках, записанных античными авторами. Эти фрагменты порой не поддаются самостоятельному прочтению, но они могут быть «озвучены» при сопоставлении с другими индоиранскими традициями, сохранившимися более полно. Ценность рецензируемой книги, состоит и в том, что авторы наглядно продемонстрировали, каким образом при рассмотрении скифского материала в связи с другими индоиранскими традициями удастся выявить мифологический комплекс, бытовавший у скифов. И обнаружен этот комплекс не там, где его скорее всего следовало бы искать и где скифская мифология в малой степени, но все же изучается, — среди сохранившихся античными авторами скифских легенд, а в «географической» литературе. Это лишний раз доказывает, что многие места античных источников, посвященные скифам и облеченные в одежду реальных географических или этнографических деталей, представляют по существу изложение мифологических представлений обитателей Причерноморья²⁰. В других случаях те или иные мотивы античной литературы о скифах рассматриваются как целиком связанные с греческой культурой, тогда как корни их уходят в местную мифологию. Достаточно нагляден пример с описанием полета Аристея, что считалось обычно вставной новеллой в Скифский рассказ Геродота. В. В. Латышев даже исключил этот эпизод из текста Скифского рассказа, помещенного в его известной хрестоматии²¹. Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский убедительно показали, что в этом эпизоде отразились шаманские представления, свойственные древним обитателям Восточной Европы и нашедшие также отражение в религиях других арийских народов (стр. 70—73).

Реконструированный авторами скифский мифологический цикл вносит некоторые уточнения в толкование скифских мотивов, содержащихся в античной литературе, и проливает свет на содержание некоторых изображений на скифских памятниках. Так, единый генезис представлений о Рипеях, Меру и Хара Березайти окончательно опровергает гипотезу о широтном протяжении того пути из Скифии к аримаспам, о котором повествуют античные источники, и о локализации аримаспов в центральноазиатских областях, на чем настаивал, например, С. И. Руденко в ряде своих работ²². Точно так же неоправданной в свете рассмотренных в книге данных предстает трактовка, согласно которой в основе представления о Рипейских горах лежат сведения о Кавказе²³. Вероятно, в связи с тем же мифологическим циклом следует трактовать содержание многочисленных в Причерноморье изображений борьбы людей и грифонов (например, на калафе из Большой Близицы) — сюжет этот прочно связывается традицией с аримаспами, обитающими на пути к тем же мифическим северным горам.

В связи с предложенной Г. М. Бонгард-Левиним и Э. А. Грантовским реконструкцией скифского (и общеарийского) мифологического цикла чрезвычайно заманчивой представляется еще одна интерпретация изобразительного памятника, хотя относится он не к скифской, а к значительно более ранней эпохе. Речь идет об изображении на знаменитом майкопском сосуде. Уже Б. В. Фармаковский указывал, что на этом предмете «мы не видим ни одной черты, которая могла бы быть истолкована как чисто

¹⁸ А б а е в, Скифо-европейские изоглоссы..., стр. 82 сл.

¹⁹ Б. Н. Г р а к о в, Скифский Геракл, КСИИМК XXXIV, 1950; Д. С. Р а е в - с к и й, Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея, СА, 1970, № 3.

²⁰ Д. С. Р а е в с к и й, Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства, в сб. «Искусство и археология Ирана, Доклады Всесоюзной конференции (1969)», М., 1971, стр. 279.

²¹ В. В. Л а т ы ш е в, Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе, т. 1. Греческие писатели, СПб., 1893, стр. 15.

²² С. И. Р у д е н к о, Горноалтайские находки и скифы, М.—Л., 1952, стр. 16—20, рис. 7 — карта; о н ж е, Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая, М., 1968, стр. 13, стр. 16 — карта.

²³ Е л ь н и ц к и й, ук. соч., стр. 38.

декоративная. В композиции все ясно и все имеет свое значение, которое не сложно и которое легко угадать... Перед нами не просто идиллия, а картина символического значения. Художник изобразил типичных животных земли, изобразил воду (реки и море), горы и над ними небо» (разрядка автора.—Д. Р.)²⁴. Иными словами, по справедливому мнению автора, перед нами космологическая схема. Но дальнейшее толкование этого изображения Б. В. Фармаковским весьма сомнительно. По его мнению, здесь воплощен реальный ландшафт Северного Кавказа, т. е. области, где был найден сосуд. Это толкование получило широкое распространение и вплоть до наших дней доминирует в научных и популярных изданиях²⁵. Между тем оно вызывает возражения двух планов. Во-первых, сомнительным представляется воплощение реального пейзажа на столь архаичном памятнике²⁶. Во-вторых, аргументы Б. В. Фармаковского содержат противоречие и как бы опровергают друг друга: одним из главных доводов в защиту «портретности» представленных на сосуде Кавказских гор служит то, что именно такими они предстают при взгляде с северо-запада, т. е. из мест, где найден сосуд²⁷; в то же время Б. В. Фармаковский полагает, что изображенные на сосуде реки — это Терек и Кубань, но тогда, стало быть, перед нами панорама всего Северного Кавказа и аргумент о воспроизведении здесь вида гор с северо-запада теряет свое значение. Объяснение Б. В. Фармаковского, почему обе реки изображены впадающими в один водоем (хотя Терек и Кубань впадают в разные моря), остроумно, но не вполне убедительно²⁸. Эти обстоятельства заставляют усомниться в правильности предложенной им интерпретации изображения на майкопском сосуде.

Зато представленная здесь композиция обнаруживает разительное сходство с той «картиной мира», свойственной арийской мифологии, которая отражена в проанализированных Г. М. Бонгард-Левиним и Э. А. Грантовским циклах. «Нижнюю», южную границу ойкумены представляет море, в которое впадают реки, текущие от «верхнего», северного предела земли и берущие начало в горах, расположенных вдоль северной границы земли. Горы упираются в небо и оказываются как бы посредствующим звеном между ним и землей, которая служит местом обитания изображенных на сосуде животных. Такое совпадение содержания изображения с представлениями арийской мифологии особенно показательно, если учесть, что сосуд, датировемый временем существования арийского единства (вторая половина III тыс. до н. э.)²⁹, найден по соседству с регионом, в котором есть основания видеть прародину ариев. Бросается в глаза сходство изображения на майкопском сосуде и на приведенных в рецензируемой книге средневековых картах, изображающих Восточную Европу и составленных, как указывают авторы, под сильным влиянием все той же древней традиции, сохраненной античными писателями (стр. 117).

Все сказанное свидетельствует о том, что книга «От Скифии до Индии» по-новому освещает вопрос о локализации прародины ариев и вносит заметный вклад в изучение иранской и индийской мифологии. Обладая достоинствами оригинального научного исследования, книга в то же время рассчитана на достаточно широкий круг читателей, доступна не только узким специалистам. Учитывая возможность такого расширения

²⁴ Б. В. Фармаковский, Архаический период в России, МАР, 34, Пг., 1914, стр. 64.

²⁵ «История СССР» в 12 томах, т. I, М., 1966, стр. 109; Д. А. Авдусин, Археология СССР, М., 1967, стр. 81.

²⁶ Ср. в этой связи замечание А. А. Формозова о содержании наскальных изображений: «Путь литературы и искусства идет не от документальных изображений отдельных людей и событий к обобщениям, а от обобщенной трактовки явлений к изобразительности реализма... Портрет несвойствен первобытному искусству. Он появляется в классовом обществе древнего Востока, а портрет, рисованный с натуры, — лишь в эпоху Возрождения. Пейзаж в современном понимании возникает в Голландии XVII в., а пленэрная живопись становится господствующей в самом конце XIX в. Нет портрета и пейзажа и в сказке, и эпосе» (А. А. Формозов, Очерки по первобытному искусству, М., 1969, стр. 18).

²⁷ Фармаковский, ук. соч., стр. 74—75.

²⁸ Фармаковский, ук. соч., стр. 75—76.

²⁹ См. Абасев, К вопросу о прародине..., стр. 36.

читательской аудитории, авторы совершенно обоснованно включают в книгу ряд мест, которые, возможно, не были бы необходимыми в строго академическом исследовании, но в данном случае вполне уместны. Вполне оправданным представляется включение в книгу раздела, в котором авторы, рассказав о близком родстве индийских и иранских языков и народов — их носителей, отмечают, что «термин „арии“ применим только к индоиранским племенам и народам. Использование этого термина для обозначения индоевропейских (и прежде всего германских) народов не имеет под собой научной основы» (стр. 14).

Следует, однако, отметить недостаточно строгую композицию книги, что иногда затрудняет восприятие материала. Сопоставляя три параллельные традиции, авторы не соблюдают какого-либо единого принципа в их изложении: иногда один и тот же мотив последовательно фиксируется в каждой из этих традиций, иногда же авторы вводят в текст углубленный экскурс в одну из них, затрагивая сразу целый комплекс мотивов, параллели которым мы обнаруживаем лишь через много страниц. Имеются досадные неточности в подписях к иллюстрациям. Так, келермесская пантера VI в. до н. э. отнесена к V в. (стр. 28—29), Фанагория с Тамани перенесена в Крым (стр. 57). На стр. 29 читаем: «одноглазые грифы и их чудовищные противники», тогда как речь, по-видимому, идет об одноглазых аримаспах и их чудовищных противниках — грифах. Обилие иллюстраций составляет, безусловно, одно из достоинств книги, но их отбор порой кажется неправомерным. Так, включение в число иллюстраций изображений персепольских рельефов или скифских предметов, не относящихся непосредственно к теме изложения, на наш взгляд, излишне. Но все эти досадные мелочи, конечно, не изменяют общего положительного впечатления от книги, которая сочетает в себе глубину специального исследования с доступной для широкого читателя формой изложения и является существенным вкладом в отечественную египтологию, индологию и скифологию.

Д. С. Раевский

Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae, etc., part 9, ed. by T. G. H. James (The British Museum). Published by The Trustees of the British Museum, London, 1970, 71 стр., 51 табл.

Британский музей — самое крупное в мире (после Каирского музея древностей) хранилище древнеегипетских памятников. Трудно даже определить, сколько их в Британском музее, ясно только, что несколько сот тысяч. Множество из них издано, но большая часть продолжает оставаться неопубликованной, разжигая профессиональный интерес и нетерпение египтологов.

Первые семь томов изданий стел, рельефов и некоторых надписей на памятниках иного рода выходили из печати в прорисовках. Из этих прорисовок лишь очень немногие можно признать удовлетворительными. Приходится констатировать, что почти все изданные в I—VII томах памятники и надписи сейчас нужно издавать заново. Прорисовки не дают представления ни о стиле изображений, ни о палеографических особенностях надписей и пестрят ошибками как в копиях надписей, так и в датировках, поэтому определить время их изготовления можно большей частью лишь широко — таким-то веком, а подобные датировки не могут устраивать современных египтологов. Только в 1939 г. Эдвардс издал VIII том с фотографическими воспроизведениями эпиграфики.

Наконец, после огромного для развития науки перерыва в 30 лет Т. Джемс издал IX том, в котором эпиграфические памятники изданы лучше, чем когда-либо издавал Британский музей. Не полагаясь на фотоснимки, которые, к сожалению, все еще оставляют желать лучшего, Т. Джемс сделал детальные, а не обобщенные как прежде про-